

МАРИАННА РЯБИНИНА

ХРОНИКИ МАРЬЯНЫ:

В ПОИСКАХ ПЕРВОЗАРИ

Хроники Марьяны

Марианна Рябинина

**Хроники Марьяны:
В поисках Первозари**

«Автор»

2026

Рябинина М.

Хроники Марьяны: В поисках Первозари / М. Рябинина —
«Автор», 2026 — (Хроники Марьяны)

Холод пробуждается на севере. Это Имка — абсолютный холод, что спал в недрах погибшей луны. Когда-то я была жрицей Гипербореи и не смогла его остановить. Теперь у меня есть шанс всё исправить. Я — Марьяна. Ведунья. Страж Порога. Та, что ходит между мирами. Я спасла Буян, прошла через четырнадцать миров. Я отправляюсь на север — в Мурманск, на плато Путорана, к древним пирамидам Кольского полуострова. Но прежде — в солнечную Абхазию, к дольменам, горным озёрам и духам пещер, где меня ждут старые друзья и новые тайны. Я встречу Белого Медведя, саамского шамана, колдуна Севера и многих других. Я узнаю правду о трёх лунах, об Атлантиде и Гиперборее. И найду три ключа — память, веру и волю, — чтобы создать новую сферу и запереть Имку навсегда. Это история о поиске Первозари. О друзьях, что стали семьёй. О древних тайнах, которые ждали своего часа тысячи лет. И о выборе, который определяет всё.

© Рябинина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Затишье	6
Глава 2. Дорога на север	8
Глава 3. Знакомство с Мурманском	11
Глава 4. Териберка	13
Глава 5. Колдун	16
Глава 6. Дорога к Сейдозеру	18
Глава 7. Хранитель Севера	20
Глава 8. Тайны храма	22
Глава 9. Возвращение	25
Глава 10. Разговоры на Буяне	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марианна Рябинина

Хроники Марьяны: В поисках Первозари

Пролог

Я помню холод. Не тот, что приходит с зимой — мягкий, пахнувший дымом и хвоей. Другой. Абсолютный. Холод, который не снаружи — внутри. Который вымораживает не тело, а душу. Который существовал до того, как появился первый свет, и будет существовать после того, как погаснет последняя звезда.

Когда-то я уже встречалась с ним. В прошлой жизни — или в позапрошлой, или в той, самой первой, что была до начала времён. Я не помню лиц. Не помню имён. Но помню этот холод. И помню, как погасла одна из лун. Как рухнули храмы. Как свет, который я держала в руках, угас. Тогда я не смогла его остановить. Тогда я была жрицей Гипербореи и дала слово: «Я вернусь. Я зажгу свет снова».

С тех пор прошли тысячи лет. Я прожила сотни жизней, забывая и вспоминая, умирая и возвращаясь. Я прошла через Навь, через четырнадцать миров, через битвы и потери. Я стала Хранительницей Порога. Я нашла друзей, что стали семьёй. Я научилась видеть то, что скрыто.

Но холод вернулся. Он пробуждается там, на севере, за полярным кругом. Его дыхание уже касается Яви. И я знаю: если не остановить его сейчас, он поглотит всё. Мне нужно найти Первозарю. Ту самую искру первого Света, которую я не смогла удержать тогда. Она всё ещё где-то есть. Может быть, в древнем капище подо льдом. Может быть, в памяти Белого Медведя, что был моим другом в прошлой жизни. Может быть, во мне самой.

Я не знаю, сколько времени у меня есть. Но я знаю, что должна идти. На север. В полярную ночь. Туда, где меня ждёт тот, кто помнит. И туда, где пробуждается то, что не должно просыпаться.

Меня зовут Марьяна. Я Хранительница Порога. И это — история о том, как я искала Первозарю.

Глава 1. Затишье

После всего, что мы прошли, жизнь наконец стала тихой. Не скучной — именно тихой. Той самой тишиной, о которой я мечтала долгими ночами, когда закрывала прорывы, сражалась с упырями и спускалась в нижние миры. Теперь я просыпалась от запаха пирожков, а не от пульсации печати. Лим дремал на ковре, а не ошметинивался ледяными иглами. Кузя ворчал, что я мало ем. Кочемар булькал в трясине. Велес стоял у дуба. Всё было как прежде — и всё было по-другому.

Портал над болотом мерцал ровным, золотисто-зелёным светом. Я больше не проверяла его каждое утро — знала, что он держится. Прорывы случались редко, и с ними справлялся даже Лим в одиночку. Я стала чаще бывать на Буяне — просто так, без причины. Посидеть у Алатыря, послушать, как Яга рассказывает сказки, как Печур ворчит на Горыныча, что тот опять спалил дрова. Кощей, теперь уже Серебряный Страж, научился улыбаться — и это всё ещё было непривычно. Морена провожала души с миром, и на её берегу всегда цвели белые цветы.

Однажды вечером мы сидели у костра на Буяне — все вместе. Яга, Леший, Печур, Кощей, Морена, Горыныч, Светлояра. Кузя, конечно, был тут же, с корзиной пирожков. Лим лежал у моих ног.

— Хорошо-то как, — сказала Яга, закутавшись в пуховый платок. — Тихо. Давно такой тишины не было.

— Не сглазь, — буркнул Кочемар, который в тот вечер тоже выбрался на Буян.

— А что такого? — Кузя поднял голову. — Прорывов нет, нечисть не лезет, все живы-здоровы. Может, наконец-то заслужили покой?

— Покой, — задумчиво повторил Кощей. — Я когда-то мечтал о покое. А теперь теперь мне нравится, когда шумно.

— Это потому что ты раньше один был, — сказала я. — А теперь — с нами.

Он кивнул и ничего не ответил, но в его золотых глазах мелькнуло что-то тёплое.

Дома было так же спокойно. Я сидела на балконе, смотрела, как закат красит болото в золото и пурпур, и думала о том, что всё наконец встало на свои места. Четырнадцать миров были пройдены. Порог держался. Друзья были рядом. Я даже начала подумывать о том, чтобы съездить куда-нибудь — не по долгу, а просто так. Посмотреть мир. Увидеть горы, море, северное сияние.

— Может, и правда съездить? — спросила я однажды за ужином.

— Куда? — Кузя насторожился.

— На север. Говорят, там красиво. Полярная ночь, сияние

— Север?! — он чуть не выронил ложку. — Там же холод! Там снег! Там медведи!

— Белые, — улыбнулась я. — Говорят, очень красивые.

— Белые, серые, в крапинку — какая разница! Медведи — они и есть медведи! — Кузя всплеснул лапками. — Нет уж, Марьянка, сиди дома. У нас тут болото, тепло, комары

— Комары — это аргумент, — рассмеялась я.

Поездка осталась мечтой.

А потом всё изменилось. Это случилось на рассвете, в конце ноября. Я проснулась от странного ощущения — будто кто-то провёл ледяным пальцем по позвоночнику. Печать на ладони не горела, но стала холоднее обычного. Лим уже стоял у балконной двери — плотный, собранный, с острыми золотыми искрами. Он что-то почувствовал.

Я вышла на балкон. Туман над болотом стоял неподвижно, и в этой неподвижности было что-то неестественное. Словно мир затаил дыхание.

— Что это? — прошептала я.

Лим не ответил. Но его холод стал плотнее.

Снизу, от трясины, донёсся знакомый хриплый голос:

— Чувствуешь?

Кочемар поднялся из чёрной воды во весь свой огромный рост. Его глаза-угольки горели тревожно.

— С севера, — просипел он. — Холод. Но не наша зима. Не наша Навь. Чужое.

— Что это может быть? — спросила я.

— Не знаю, — он медленно покачал головой. — Но такого я не чувствовал уже много веков. Очень много веков. Оно древнее. И оно просыпается.

Я стояла на балконе, вглядываясь в туман, и чувствовала, как внутри разливается знакомое, уже подзабытое чувство. Не страх. Предчувствие. Тишина кончилась. Впереди было что-то новое. Что-то, что потребует от меня всего, чему я научилась. И, возможно, большего.

Глава 2. Дорога на север

Решение пришло не сразу. Несколько дней я ходила сама не своя, прислушиваясь к ощущениям. Холод с севера не усиливался, но и не отступал — он просто был, как далёкий гул, как эхо, которое никак не затихнет. Кочемар больше ничего не говорил, но я видела: он встревожен. А Кочемар просто так не тревожится.

— Мне нужно ехать, — сказала я однажды вечером, когда мы сидели на кухне.

Кузя замер с чайником в лапках.

— Куда? — спросил он, хотя по его глазам было видно: он уже знает ответ.

— На север. В Мурманск.

— Мурманск?! — чайник звякнул о стол. — Марьянка, ты с ума сошла! Это же край света! Там полярная ночь! Там темнотища! Там медведи!

— Ты уже говорил про медведей.

— И ещё раз скажу! — он всплеснул лапками. — Белые! Огромные! Им только дай волю — сожрут и не подавятся!

— Кузя, — я взяла его за плечи, — я чувствую: там что-то происходит. Что-то древнее. Что-то, что может угрожать не только нашему болоту, но и всему остальному. Я не могу сидеть и ждать.

Он долго смотрел на меня, потом вздохнул тяжело, по-стариковски, хотя с виду был совсем не стар.

— Ну, если не можешь тогда я с тобой.

— Нет, Кузя. Ты нужен здесь. Портал хранить, за болотом приглядывать, Кочемара кормить.

— Я не ем, — донеслось из угла.

— Вот видишь, он не ест! — Кузя ткнул лапкой в сторону трясины. — А я должен остаться?

— Ты должен, — я обняла его. — Ты — моя крепость. Пока ты здесь, я знаю, что мне есть куда возвращаться.

Он шмыгнул носом и уткнулся лицом в мой рукав.

— Ладно, — пробормотал он. — Но вещи соберу я. И не спорь.

Спорить было бесполезно. Кузя метался по квартире, хватая то одно, то другое. Шерстяные носки — пять пар. Свитер — самый тёплый. Шарф — длинный, колючий, связанный ещё бабушкой. Варезки — двойные. Термос для чая. Пирожки с капустой — тридцать штук. Сушёные травы от простуды. Пузырёк с живой водой. Маленький уголёк от Печура — «на удачу».

— Кузя, я лечу на самолёте, у меня багаж ограничен, — попыталась я возразить.

— Ничего, — отрезал он, — доплатишь.

Кочемар проводил меня до края болота. Он ничего не говорил, но его молчание было красноречивее любых слов. «Будь осторожна. Возвращайся. Ты нужна здесь». Велес стоял у дуба — молчаливый, как всегда. Но когда я проходила мимо, его ветви чуть качнулись, и мне показалось, что он благословляет меня в путь. Лим скользнул за плечом — собранный, готовый.

Внизу уже сигналило такси. Руслан — тот самый, что когда-то вёз меня на вокзал перед поездкой к морю, — удивлённо присвистнул, увидев меня с рюкзаком.

— Опять ты? — он покачал головой. — Куда на этот раз?

— В аэропорт. В Мурманск полечу, — ответила я.

— То на юг, то на север. Ты вообще где живёшь-то? — удивился он.

— На болоте, — ответила я.

— А, ну тогда понятно, — он хмыкнул и завёл мотор.

Самолёт до Мурманска вылетал через час.

Лим впервые летел на самолёте. Он сжался в крошечный, почти невидимый комок и сидел у меня на коленях всю дорогу. Пассажиры ёжились, не понимая, откуда в салоне сквозняк. Стюардесса дважды проходила мимо, проверяя, не открыт ли иллюминатор. Я делала вид, что читаю книгу.

Мурманск встретил нас тьмой.

Было два часа дня, но над городом висела полярная ночь — густая, синяя, какая-то осязаемая. Первый день полярной ночи. Я вышла из аэропорта и замерла. Воздух был холодным — не таким, как на болоте, а колючим, пронизывающим до костей. И в этом воздухе, где-то за гранью ощущений, пульсировало то самое, что я чувствовала с болота. Ближе. Сильнее.

— Куда едем? — пробормотал таксист, когда я села в машину.

— В центр. Гостиница «Пять углов», — ответила я.

— В центр? Ну, центр тут везде, — он усмехнулся. — У нас тут всё близко. Только темно.

Гостиница оказалась старой, советской постройки, с массивными дверями и лестницей, устланной ковровой дорожкой. В холле пахло кофе и выпечкой. Администратор, молодая женщина с усталыми глазами, протянула мне ключ.

— Третий этаж, номер триста двенадцать. Окна на площадь.

Номер был маленьким, но уютным. Кровать, стол, шкаф, кресло. И окно, за которым горели огни города — цепочки фонарей, светящиеся витрины, фары машин. Мурманск жил своей жизнью, несмотря на полярную ночь.

Я вышла на улицу. Лим скользнул за мной. Мы стояли на площади Пять Углов — сердце города, от которого расходились пять дорог. Вокруг возвышались дома, горела реклама, гудели машины. Но я чувствовала: под этим городом, под этой суетой, прячется что-то иное. Что-то древнее. Что-то, что ждало меня.

Холод коснулся щеки. Не уличный — другой. И в этом холоде мне почудился шёпот:

«Ты пришла. Я ждал».

Я обернулась, но вокруг были только прохожие, фонари и тёмное небо без звёзд. Лим ошетинился, его тень стала плотнее. Он тоже почувствовал.

— Кто ты? — прошептала я.

Ответа не было. Но я знала: это только начало.

Глава 3. Знакомство с Мурманском

Утром — хотя какое там утро, если за окном всё та же полярная ночь — я решила, что первым делом нужно понять сам город. Почувствовать его. Не смотреть путеводители, не читать справочники, а просто ходить, смотреть, вдыхать. Лим, как всегда, скользнул за плечом.

Я вышла из гостиницы и направилась к Кольскому заливу. Он оказался совсем рядом — узкий, длинный, врезающийся в сушу на десятки километров. Вода была чёрной, почти как на моём болоте, но пахла иначе: солью, йодом, холодом. Над заливом висел туман, и в этом тумане угадывались силуэты кораблей — военных, торговых, рыболовных. У причала стоял ледокол. Настоящий, огромный, с мощным округлым носом и надписью «Ленин» на борту. Первый в мире атомный ледокол, гордость советского флота. Теперь он был музеем, но даже в этом качестве внушал уважение. Я подошла ближе, коснулась холодного металла. Корабль молчал, но я чувствовала его историю: десятилетия арктических походов, караваны судов, что шли за ним через льды, людей, что работали на его палубе. Всё это отпечаталось в его стали.

Дальше — сопки. Мурманск стоит на холмах, и куда ни пойдешь — поднимаешься. Я выбрала сопку Зелёный Мыс — самую высокую точку города. Подъём был долгим, но когда я добралась до вершины, дыхание перехватило. Внизу, насколько хватало глаз, лежал город. Цепочки огней, уходящие в темноту, светящиеся окна домов, фары машин, что медленно ползли по дорогам. Порт, залив, сопки на том берегу — всё это было похоже на огромную карту, на которой каждый огонёк был чьей-то жизнью.

Рядом со мной возвышался Алёша — огромный памятник солдату в плащ-палатке, что смотрел на залив. Защитникам Заполярья. Я постояла рядом, чувствуя, как от каменной фигуры исходит спокойная, суровая сила. Здесь помнили войну. Здесь умели ждать и умели стоять до конца.

Весь следующий день я бродила по городу. Прошла по проспекту Ленина, главной улице Мурманска, где дома украшены мозаиками и барельефами. Заглянула в краеведческий музей, где увидела чучела белых медведей, северных оленей, морских котиков — тех, кто был хозяевами этих мест задолго до людей. Посмотрела на памятник треске — да, в Мурманске есть памятник рыбе, и это, пожалуй, самый честный памятник из всех, что я видела. Добралась до Семёновского озера — небольшого, заснеженного, с фонтаном посередине.

Красивый город. Живой. Настоящий. Но мне было тяжело. С каждым днём всё тяжелее.

Полярная ночь давила. Не просто темнотой — отсутствием солнца как такового. Организм не понимал, когда спать, когда бодрствовать. Я просыпалась разбитой, ходила сонной, а к вечеру, наоборот, не могла уснуть. А потом началось: першение в горле, насморк, температура. Ничего серьёзного, обычная простуда, но она изматывала. Я заваривала травы, что дал Кузя, пила живую воду, но легче не становилось.

— Я не понимаю, Лим, — сказала я однажды вечером, сидя в номере и кутаясь в одеяло. — Я здесь уже несколько дней. Я обошла весь город. Я была на заливе, на сопках, у озера. Я чувствую холод, чувствую, что здесь что-то есть. Но я не понимаю, что. И не понимаю, что мне делать.

Лим лежал на коврике и смотрел на меня своими бездонными глазами. Он не мог ответить словами, но его холод стал мягче — так он выражал поддержку.

Я закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Всё было зря. Мои попытки понять город, почувствовать угрозу — всё упиралось в глухую стену. Я не знала, куда идти. Не знала, что искать.

И тогда я решилась на то, что делала всегда, когда заходила в тупик.

Я вышла на балкон. Холодный воздух обжёг лицо. Внизу горели огни площади Пять Углов. Где-то там, за городом, лежала тундра — бескрайняя, заснеженная, древняя.

— Я не знаю, кто ты, — сказала я вслух, глядя в темноту. — Я не знаю, что здесь происходит. Я пришла сюда, потому что почувствовала зов. Но я не понимаю его. Я больна, я устала, я не знаю, что делать. Если ты слышишь меня — помоги. Просто помоги.

Я замолчала. Тишина. Ветер. Давление полярной ночи на плечи.

И вдруг — холод коснулся моей щеки. Не уличный — другой. Мягкий, почти ласковый. И в этом холоде мне почудился шёпот:

«Ты пришла. Я ждал».

Я резко обернулась, но на балконе никого не было. Только Лим стоял в дверях, и его золотистые искры горели ярче обычного. Он тоже почувствовал.

— Кто ты? — прошептала я.

Ответа не было. Но я знала: теперь всё изменится.

Глава 4. Териберка

Я проснулась с ясной головой и странным чувством, которое не могла объяснить. Болезнь отступила — не постепенно, а разом, будто кто-то выключил её. Горло не болело, насморк исчез, температура спала. Я чувствовала себя отдохнувшей, почти лёгкой. И знала: нужно ехать дальше.

За завтраком я развернула карту. Мурманск был только началом. Настоящий север лежал за его пределами — в тундре, у Ледовитого океана. Мой палец скользнул по побережью и остановился на маленькой точке. Териберка.

Я слышала о ней раньше. Старинное рыбацкое село на берегу Баренцева моря. Край земли. Дальше — только океан и полюс. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь — тишина, разрушенные дома, кладбище кораблей на берегу и бескрайнее, суровое небо.

— Едем, — сказала я Лиму.

Такси нашлось быстро. Водитель, немолодой мужчина с обветренным лицом и хриловатым голосом, удивлённо посмотрел на меня. На вид ему было лет шестьдесят, и звали его дядя Коля.

— В Териберку? Зимой? — переспросил он. — А чего там делать-то? Холод, ветер, темнота.

— Посмотреть, — ответила я.

— Ну, смотри, — он пожал плечами. — Только дорога там — не сахар.

Дорога и правда была не сахар. Зимник петлял между сопок, то взбираясь на перевалы, то ныряя в низины. За окном проплывали заснеженные леса, замёрзшие озёра, редкие огни посёлков. Чем дальше мы уезжали от Мурманска, тем темнее и безлюднее становилось вокруг. Лим сидел на заднем сиденье, сжавшись в плотный комок, и смотрел в окно. Он никогда не видел такой пустоты.

Через два с половиной часа впереди показались первые дома. Териберка встретила нас тишиной. Такой глубокой, что звенело в ушах. Мы вышли из машины, и я замерла.

Это было место, где время остановилось. Старые деревянные дома с выбитыми окнами соседствовали с покосившимися рыбацкими сараями. На берегу, у кромки ледяной воды, лежали остовы кораблей — огромные, ржавые, похожие на скелеты морских чудовищ. Волны Баренцева моря лениво накатывали на каменистый пляж, и в их шуме слышалось что-то древнее. Водопад, что низвергался со скалы прямо в океан, был скован льдом — застывшая струя, похожая на хрустальный мост.

Я прошлась по пустым улицам. Ветер трепал шарф. Где-то вдалеке лаяла собака. На одном из домов висела табличка: «Здесь снимали Левиафана». А за домами, за кладбищем кораблей, за водопадом — бескрайняя, заснеженная тундра, уходящая к горизонту.

И вдруг я увидела небо.

Оно вспыхнуло. Сначала — слабое, едва заметное свечение на горизонте, как будто кто-то зажжёт далёкий фонарь. Потом — ярче, зеленее. А потом оно разлилось по всему небосводу — изумрудное, с переливами сиреневого и розового, пульсирующее, живое. Северное сияние. Я замерла, забыв дышать. Лим поднял голову, и его золотистые искры вспыхнули в такт небесному огню.

Это было прекраснее всего, что я когда-либо видела. Не магия, не чары — чистая, первозданная красота мира. Словно само небо говорило со мной на языке света. Я стояла и смотрела, пока сияние не начало медленно гаснуть, оставляя после себя только тишину и ощущение, что меня коснулось что-то огромное.

А потом я почувствовала это. Знакомый холод — не морской, не ветреный. Тот самый, что привёл меня сюда. Где-то здесь, совсем близко, был кто-то, кто знал о том, что я ищу.

Я пошла на этот холод. Лим ошетинился, но не останавливал. Мы миновали последние дома и вышли к старому дому на отшибе. Из трубы вился дымок. Я постучала.

Дверь открыл старик. Саам — я поняла это сразу по его лицу: высокие скулы, тёмные, чуть раскосые глаза, обветренная кожа. Одет он был в тёплую оленью куртку, расшитую орнаментом. Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, а потом улыбнулся — неожиданно тепло.

— Здравствуй, Хранительница, — сказал он. — Я ждал тебя.

Я замерла.

— Откуда вы знаете, кто я?

— Я много чего знаю, — он отступил вглубь дома. — Проходи. Замёрзла, поди. Чай будешь?

Внутри было тепло и пахло травами. На стенах висели оленин шкуры, на полках стояли старые книги и какие-то сосуды. Старик усадил меня за стол, налил горячего травяного чая и сел напротив.

— Меня зовут Айвар, — сказал он. — Я последний из саамских шаманов в этих местах. Мои предки жили здесь тысячу лет, ещё до того, как пришли русские. Мы помним то, что другие забыли.

— Что вы помните? — спросила я.

— Белого Медведя, — он посмотрел на меня внимательно. — Он хранитель этих земель. Он старше саамов, старше Гипербореи, старше самой памяти. И он приходит к тем, кто готов. Ты его ещё не встретила, но ты встретишь. Он ждёт тебя.

— Где? — прошептала я.

— Там, где когда-то горел свет, — ответил Айвар. — Ты знаешь, что на Кольском полуострове есть пирамиды?

— Пирамиды?

— Да. У Сейдозера, в Ловозерских тундрах. Древние. Возможно, старше египетских. Мои предки говорили, что это остатки храмов Гипербореи. Там когда-то стояло главное капище, где хранилась Первозаря. Сейчас там только камни и снег. Но свет всё ещё там. И Белый Медведь — тоже. Он ждёт тебя у пирамид.

Я поблагодарила Айвара за чай и за знание. Он вышел проводить меня на крыльцо и долго смотрел вслед, пока мы с Лимом шли к машине.

Дядя Коля уже заждался, включив печку на полную мощность.

— Ну что, обратно? — спросил он.

— Обратно, — ответила я, садясь в машину. — А завтра — снова в путь. Вы не знаете, как добраться до Сейдозера?

Он присвистнул.

— Сейдозеро? Туда зимой вообще никто не ездит. Там глушь, тундра, дорог нормальных нет. Это тебе не Териберка.

— Я заплачу, — сказала я. — И возьму ваш номер телефона. Вы мне очень поможете.

— Ну, смотри, — он покачал головой. — Дело твоё. Только оденься потеплее. Там, у Сейдозера, даже медведи не ходят.

— Белые? — улыбнулась я.

— Всякие, — серьёзно ответил он. — Ты вообще знаешь, куда едешь?

— Теперь знаю, — ответила я.

Машина тронулась, и Териберка исчезла за поворотом. Позади остались кладбище кораблей, водопад, северное сияние и старый саамский шаман. Впереди — Мурманск. А потом — Ловозеро, Сейдозеро, пирамиды и Белый Медведь. И где-то там, в древнем капище, возможно, ещё горел свет, который я должна была найти.

Глава 5. Колдун

В то самое утро, когда Марьяна выехала из Мурманска в Териберку, за тысячи километров от неё, на краю болота, пробудился тот, кто тоже почувствовал холод.

Его звали Север. Когда-то у него было другое имя — человеческое, данное при рождении. Но он отказался от него много лет назад, как отказываются от старой одежды. Теперь он был просто Севером — колдуном, что жил в старой избушке на дальнем краю леса и работал с Тьмой.

Он проснулся затемно, разбуженный знакомым холодком, что пробежал по позвоночнику. Этот холод был не из Яви — он шёл откуда-то гораздо дальше, из глубин, о которых обычные люди не подозревали. Север сел на своей лежанке, прикрыл глаза и потянулся туда, куда вёл холод. Это была его особая магия — чувствовать токи сил, скрытые от глаз простых ведунов. Он видел их, как другие видят погоду: вот здесь — спокойно, здесь — ветер перемен, а здесь — надвигается буря.

То, что он почувствовал сейчас, было не бурей. Это был ураган. Древний, могучий, набирающий силу где-то на севере. И он знал, что это.

Имка. Абсолютный холод, о котором он читал в старых трактатах, найденных в заброшенных капищах. Оружие атлантов — или их проклятие. Сила, способная стирать миры. Та самая, что погубила Гиперборею и Атлантиду. И теперь она пробуждалась снова.

Север не боялся. Он ждал этого момента много лет. Всё, что он делал — изучал Тьму, работал с Порогом, пытался открыть его, — было подготовкой. Он знал, что рано или поздно древние силы зашевелиятся. И теперь, когда это случилось, он был готов.

Он встал, оделся, собрал свой посох — тяжёлый, из морёного дуба, с верхом в виде змеи, кусающей свой хвост. Проверил амулеты, разложенные по карманам: костяные иглы, пузырьки с тёмными жидкостями, пучки сушёных трав, что пахли горько и тревожно. Всё было на месте.

Он знал, куда ехать. На север. Туда, где холод становился сильнее. Туда, где пробуждалась Имка. И туда, где, если верить старым текстам, всё ещё можно было найти Первозарю — единственную силу, способную противостоять абсолютному холоду.

Север не хотел останавливать Имку. Он хотел подчинить её. Оседлать. Использовать её мощь, чтобы получить власть над всеми мирами — Явью, Навью, Правью. Он потратил на это всю жизнь и не собирался отступать.

Но было кое-что ещё. Кое-кто. Хранительница Порога. Марьяна. Он знал, что она тоже почувствует холод. Знал, что она тоже отправится на север. И знал, что рано или поздно их пути пересекутся. В прошлый раз, на болоте, он предлагал ей союз. Она отказалась. Что ж, возможно, теперь, когда угроза стала реальной, она передумает. А если нет — что ж, он всегда может использовать другие методы.

Север вышел из избушки и вдохнул холодный воздух. Лес молчал. Болото замерло. Где-то там, на севере, пробуждалась Имка. И где-то там, в древнем капище подо льдом, ждала Первозаря.

Он отправился в путь. На север. За силой. За властью. За своей судьбой.

Глава 6. Дорога к Сейдозеру

Дядя Коля приехал ровно в восемь утра, как договаривались. За окном всё та же полярная ночь, и казалось, что ещё глубокая ночь, но Мурманск уже жил своей жизнью: горели фонари, гудели машины, спешили по делам прохожие. Я вышла из гостиницы, укутанная в три слоя одежды. Лим скользнул за плечом — он тоже был готов.

— Ну что, дочка, не передумала? — спросил дядя Коля, когда я села в машину.

— Нет.

— Тогда поехали. Только учти: дорога дальняя, трудная, а там ещё и пешком идти придётся. Машина не везде пройдёт. Ты как, выдержишь?

— Выдержу, — ответила я.

Он хмыкнул и завёл мотор. Мы выехали из города и вскоре оказались на трассе, ведущей вглубь Кольского полуострова. За окнами проплывали заснеженные леса, замёрзшие реки, редкие посёлки с деревянными домами. Чем дальше мы уезжали, тем меньше становилось огней, тем глубже становилась тишина. Где-то через час трасса закончилась, и начался зимник — узкая, заснеженная дорога, петляющая между сопок.

— Ты смотри, какая красота, — сказал дядя Коля, кивая на пейзаж за окном.

Я посмотрела и замерла. В свете фар открывалась бескрайняя, заснеженная тундра. Сопки, покрытые лесом, уходили к горизонту, и над ними, в тёмном небе, снова мерцало северное сияние — на этот раз бледно-зелёное, почти призрачное. Оно колыхалось, как занавес, и в его свете снег казался живым. Лим прижался к стеклу, и его золотистые искры пульсировали в такт сиянию.

— Красиво, правда? — дядя Коля покосился на меня. — Я тут сорок лет живу, а всё не могу привыкнуть. Каждый раз как в первый раз.

— Очень красиво, — прошептала я.

— А место, куда мы едем, — особенное, — продолжил он. — Про него саамы много легенд рассказывают. Говорят, там раньше боги жили. Или не боги — духи. В общем, те, кто до людей здесь был. Они построили пирамиды, храмы, капища. А потом ушли. Или погибли. Никто не знает точно. Но саамы туда не ходят. Говорят, место силы. Можно увидеть то, что не должен видеть.

— А вы верите в это? — спросила я.

— Я верю в то, что видел, — ответил он. — А видел я много странного. Так что ты, дочка, будь осторожна. Не лезь куда не надо.

Дорога становилась всё хуже. Зимник кончился, и теперь мы ехали по целине — дядя Коля ориентировался по каким-то только ему известным приметам. Несколько раз машина буксовала в снегу, и нам приходилось вытаскивать её вручную. Лим помогал как мог — его холод делал снег твёрже, и колёса цеплялись лучше.

Наконец, когда начало смеркаться — хотя какое там смеркаться, если и так темно, — мы выехали к Ловозеру. Огромное, замёрзшее, покрытое снегом, оно лежало между сопок, как белая чаша. На том берегу, в темноте, угадывались горы — Ловозерские тундры. Где-то там, за ними, пряталось Сейдозеро.

— Всё, дальше пешком, — сказал дядя Коля, останавливая машину. — Я тебя здесь подожду. И вот, возьми.

Он протянул мне старый компас и фонарик.

— Если что — свети. Я увижу. И помни: там, у Сейдозера, даже ветер по-другому дует. Будто слушает.

Я поблагодарила его и вышла из машины. Лим скользнул за мной. Мы двинулись через перевал.

Путь был трудным. Снег по колено, скользкие камни, ледяной ветер. Но я шла, потому что чувствовала: я почти на месте. Холод усиливался с каждым шагом. Тот самый, древний, что вёл меня сюда. И в этом холоде мне слышался шёпот: «Ты пришла. Я ждал».

Я перевалила через гребень горы и замерла. Внизу, в долине, лежало Сейдозеро. Чёрное, незамёрзшее — странно для этих мест, — оно отражало небо, и в его водах дрожало северное сияние. А на берегу, у подножия горы, возвышались они — пирамиды. Не огромные, как египетские, но явно рукотворные. Три сооружения, сложенные из массивных каменных блоков, покрытых резьбой и мхом. Они стояли здесь тысячи лет. Они ждали.

И перед ними, на снегу, сидел Белый Медведь. Огромный, молчаливый, величественный. Его шерсть искрилась в свете сияния, а глаза смотрели прямо на меня. В них не было угрозы. Была память. Древняя, как этот мир.

— Здравствуй, — прошептала я. — Я вернулась.

Он не ответил словами. Но в моей голове прозвучало: «Ты готова увидеть». И мир вокруг исчез.

Глава 7. Хранитель Севера

Белый Медведь смотрел на меня, и мир вокруг исчезал. Не резко, не пугающе — мягко, словно кто-то медленно гасил свет в огромном зале, оставляя только нас двоих. Снег под ногами, пирамиды, озеро, северное сияние — всё отступало, становилось полупрозрачным, как старая акварель. Остались только его глаза — тёмные, глубокие, всезнающие.

— Ты готова увидеть, — прозвучало в моей голове. Это был не голос в привычном смысле — скорее, ощущение, вибрация, которая рождалась где-то в самом центре моего существа и разливалась по телу теплом. — Смотри.

И я увидела. Не так, как видят глазами, — глубже. Образы хлынули в меня, как вода сквозь прорванную плотину, и я больше не была просто Марьяной, стоящей на снегу у подножия древних пирамид. Я была той, кто жил здесь тысячи лет назад. Той, кто знал этот край, когда он был другим.

Гиперборея. Она поднялась передо мной во всё своём величии — не разрушенная, не погребённая подо льдом, а живая, цветущая, полная света. Белые города с храмами, чьи купола были сложены из горного хрусталя и ловили свет трёх лун. Широкие улицы, мощённые гладким камнем, по которым шли люди в длинных светлых одеждах. Сады, где деревья плодоносили круглый год, потому что сама земля здесь была теплее, а воздух — мягче. И над всем этим — Леля, Фатта и Месяц, три луны, что сияли в небе, даря этому миру свой серебряный и золотой свет.

— Здесь был центр мира, — прозвучал голос Медведя. — Здесь хранилась Первозаря — искра самого первого Света, которую Творец дал гиперборейцам, чтобы они несли её через века. Они были мудры. Они не воевали. Они не создавали оружия. Они жили в гармонии с космосом, и космос отвечал им тем же.

Я видела жриц — молодых женщин в белых одеждах, расшитых звёздным серебром. Они шли к главному храму, и в их руках горел свет. Это была Первозаря. Тёплая, живая, пульсирующая в такт сердцу. Я видела алтарь — огромный каменный стол, украшенный резьбой, изображающей звёзды и планеты. Над ним парил сгусток чистого света, и этот свет пел. Он был живым. Он был всем.

А потом я увидела себя. Вернее, её — ту, кем я была в той, прошлой жизни. Молодая женщина с длинными светлыми волосами, заплетёнными в косы вокруг головы. Она стояла у алтаря, и в её руках горела Первозаря. Её глаза были полны света. Её голос звучал гимном. Она была старшей жрицей. Хранительницей. Той, кто дала слово.

— Ты поклялась вернуть свет, если он когда-нибудь погаснет, — сказал Медведь. — Ты не знала, что это случится так скоро.

Образы сменились. Я увидела войну. Атлантида — огромный остров в океане, с городами, что сверкали золотом. Атланты — высокие, гордые, могучие. Они покорили стихии, создали машины, что летали по воздуху и плавали под водой. Они возгордились. И они захотели владеть тем, что не принадлежало никому. Первозарей. Они потребовали отдать её. Гиперборейцы отказались. И тогда атланты ударили.

— Они пробудили то, что нельзя было будить, — голос Медведя стал глуше. — В недрах Фатты спала Имка. Абсолютный холод. Анти-жизнь. Атланты думали, что смогут управлять ею. Они ошиблись.

Я увидела, как первая луна раскололась. Как её осколки рухнули на Землю, поднимая волны выше гор. Как Имка вырвалась на свободу — не существо, не дух, а сама суть холода, которая начала пожирать всё на своём пути. Я видела, как замерзали храмы Гипербореи. Как люди обращались в лёд, не успев даже закричать. Как гасла Первозаря на алтаре, и как та, кем я была, пыталась удержать её — но пальцы уже коченели, а голос срывался.

— Ты не смогла, — сказал Медведь. — Не потому что была слаба. Потому что Имку нельзя остановить силой. Её можно только зажечь изнутри. Первозаря не погасла. Она спряталась. Здесь.

Он перевёл взгляд на пирамиды, и я поняла. Под ними. Всё это время, тысячи лет, Первозаря ждала здесь. В подземном храме, скрытом от глаз и от холода.

— Ты должна найти её, — сказал Медведь. — Но помни: ты не одна. Тот, кого ты называешь Севером, тоже ищет Первозарю. Он следит за тобой. Он ждёт, когда ты приведёшь его к цели. Будь осторожна.

Видение схлынуло. Я снова стояла на снегу у пирамид, и ветер трепал мой шарф. Белый Медведь всё так же сидел передо мной, но теперь его взгляд был другим — он сказал всё, что должен был.

— Спасибо, — прошептала я.

Он не ответил. Он поднялся, развернулся и медленно пошёл прочь, в темноту. Его белая шерсть растворилась в снежной пелене, и только следы на снегу напоминали о том, что он был здесь.

Я стояла и смотрела ему вслед. А потом услышала шаги. Не звериные — человеческие. Из-за пирамиды, с той стороны, где я не ожидала никого увидеть, вышел он.

Колдун. Север.

— Красивое место, — сказал он, оглядываясь. — И хороший проводник. Я всё ждал, когда он закончит. Не хотел мешать.

Лим оцетинился мгновенно. Его тень стала плотнее, холоднее, готовой к броску. Я сжала посох.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— То же, что и тебе, — он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. — Первозаря. Имка пробуждается, и только она может остановить холод. Ты же не думаешь, что я буду сидеть и ждать, пока мир замёрзнет?

— Ты хочешь не остановить Имку. Ты хочешь подчинить её.

— А ты хочешь уничтожить, — он пожал плечами. — Какая разница? Цель одна — выжить. Я предлагаю союз. Временный. Мы найдём Первозарю вместе, а потом каждый пойдёт своей дорогой.

— Я не верю тебе.

— И правильно делаешь, — он усмехнулся. — Но у тебя нет выбора. Ты не знаешь, где вход в подземный храм. А я знаю.

Я молчала. Лим всё ещё был напряжён, но я чувствовала: в словах колдуна есть правда. Я действительно не знала, как проникнуть в храм. А он, похоже, знал.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Временный союз. Но если ты попытаешься предать меня

— Я знаю, знаю, — он отмахнулся. — Твоя тень разорвёт меня на куски. Я помню. А теперь идём. Нам нужно успеть до рассвета.

— Здесь нет рассвета, — напомнила я. — Полярная ночь.

— Тем более, — он улыбнулся. — Значит, время не ждёт.

И мы пошли. Втроём — Хранительница, Страж и колдун, — к пирамидам, под которыми тысячи лет ждала Первозаря. И где-то там, в темноте, за нами следили глаза Белого Медведя. Он сделал всё, что мог. Теперь была моя очередь.

Глава 8. Тайны храма

Вход в подземный храм оказался не там, где я ожидала. Никаких массивных дверей, никаких арок — просто узкая трещина между двумя каменными блоками у основания самой дальней пирамиды, занесённая снегом.

— Как ты здесь оказался? — спросила я, оборачиваясь к Северу. — Ты шёл за мной?

— От самой Териберки, — он усмехнулся. — Я знал, что ты найдёшь дорогу. Ты чувствуешь холод, ты говоришь с духами, ты видишь то, что скрыто. Я — нет. Но зато я знаю кое-что ещё: Первозарю просто так не взять. Даже если найдёшь. Она отзывается только на того, кто готов. Ты готова. Я... возможно, пока нет. Поэтому я ждал тебя. Думал, вместе у нас будет больше шансов.

— Ты хочешь, чтобы я добыла Первозарю для тебя?

— Я хочу, чтобы ты добыла её для нас, — он пожал плечами. — А потом мы решим, что с ней делать. Но сначала её нужно найти. Вход, кстати, я уже нашёл.

Он указал на трещину, провёл рукой над камнем, что-то прошептал, и снег растаял, обнажая тёмный провал. Оттуда пахнуло древностью — не холодом, а именно временем, спрессованным в камень.

Мы спустились. Лестница, вырубленная прямо в скале, уходила в темноту. Ступени были стёртыми, скользкими, но я шла, держась за стену, на которой проступали выцветшие фрески. В свете фонарика они оживали: белые города, три луны в небе, жрицы в длинных одеждах, алтарь с парящим светом. А потом — огонь, падающие звёзды, волны выше гор и холод, который рисовали белой краской на тёмном фоне.

— Имка, — произнёс Север, останавливаясь у последней фрески. — Ты хочешь знать, что это такое?

Он прислонился к стене и заговорил. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалось что-то похожее на уважение — или на страх.

— Имка — это не существо. Не дух, не демон, не бог. Это — состояние. Абсолютный холод. Не температура, а суть. Когда-то, в начале времён, когда только появился свет, от него отделилась тень. Не злая, не добрая — просто иная. Эта тень была холодом, который существовал до света и будет существовать после него. Она спала в недрах Фатты, второй луны, и атланты разбудили её своим оружием. Они думали, что смогут управлять ею. Но Имка не подчиняется никому. Она просто есть. Она — анти-жизнь, анти-свет, анти-движение. Она не хочет никого убивать. Она просто поглощает тепло. Любое. Когда она касается мира, мир застывает. Не умирает — именно застывает. Как вода становится льдом. Как земля становится камнем. Как душа становится пустотой.

— Я чувствовала её, — прошептала я. — Там, на болоте. И здесь. Холод, который не снаружи — внутри.

— Да, — Север кивнул. — Она пробуждается. Если её не остановить, вся планета станет ледяной пустыней. Но уничтожить её нельзя. Её можно только запечатать. Или договориться. Для этого нужна Первозаря.

Он замолчал и пошёл дальше по коридору. Я двинулась за ним.

Вскоре коридор расширился, и мы оказались в огромном зале. Стены были покрыты золотыми письменами, которые слабо светились. В центре стоял постамент — массивный каменный стол с резьбой в виде трёх лун и солнца. Над ним когда-то парил свет. Теперь там была только пустота.

Север подошёл, провёл рукой над камнем и отшатнулся.

— Её здесь нет, — произнёс он, и в его голосе прозвучала ярость. — Пусто. Совсем пусто.

Я подошла ближе и тоже коснулась камня. Он был холодным. Мёртвым. Ни искры, ни отголоска. Первозари здесь не было.

— Значит, ты ошибся, — сказала я.

— Я никогда не ошибаюсь, — отрезал он. — Она была здесь. Но кто-то унёс её. Или спрятал.

— Кто?

— Этого я не знаю, — он повернулся ко мне, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то опасное. — Но я узнаю. А ты ты пока можешь возвращаться к своему белому зверю. Может, он знает.

Он развернулся и пошёл прочь, растворившись в темноте коридора. Я не стала его догонять. Я знала, что наши пути ещё пересекутся, но сейчас мне нужно было другое.

Я поднялась на поверхность. Белый Медведь ждал меня у пирамид, словно знал, что я вернусь.

— Её там нет, — сказала я. — Где Первозаря?

Он долго смотрел на меня, а потом его голос прозвучал в моей голове:

— Ты ищешь её в камне, но она не в камне. Она — в свете. В том свете, что был до всего. Когда-то, в прошлой жизни, ты была моим другом. Я был твоим советником, твоим проводником. Я учил тебя слышать звёзды. Я стоял рядом, когда ты давала слово вернуть свет. И я помню всё.

— Я тоже помню, — прошептала я. — Но где она?

— Есть кое-кто, кто может знать. Твоя подруга. Та, что живёт на Буяне. Когда-то она была дочерью правителя Атлантиды. Она знала тайны, которые не ведали даже жрецы. Она предала

свой народ, отказалась участвовать в войне — и за это её превратили в русалку. Обрекли на вечную жизнь на острове. Иди к ней. Она помнит то, что забыли остальные.

Видение погасло. Белый Медведь поднялся и ушёл в темноту. Я осталась одна у пирамид. Ветер выл между каменных глыб.

Пора было возвращаться. Я развернулась и пошла обратно, к машине, где меня ждал дядя Коля. Впереди был Мурманск. Потом — дом. А потом — Буян. Русалка ждала меня. И она знала то, что мне нужно.

Глава 9. Возвращение

Дядя Коля ждал меня там же, где мы расстались, — у подножия перевала, на краю Ловозера. Его машина тихо урчала в темноте, и в свете фар снег казался золотым. Я села на переднее сиденье и долго молчала.

— Ну что, дочка, нашла, что искала? — спросил он, трогаясь с места.

— Не совсем, — ответила я. — Но узнала больше, чем ожидала.

— Это хорошо, — он кивнул. — Значит, не зря съездили. А то я уж думал — замёрзнешь там одна. Место-то глухое. Саамы говорят, там духи живут. И звери странные.

— Какие звери? — я покосилась на него.

— Белые, — он усмехнулся. — Большие. Я сам не видел, врать не буду. Но дед мой рассказывал. Он охотником был, по всей тундре ходил. Говорил, однажды встретил белого медведя у Сейдозера. Только тот, говорит, был не простой. Смотрел как человек. И не тронул.

— Может, и не простой, — тихо сказала я.

Дядя Коля помолчал, а потом добавил:

— Дед ещё говорил: если такой медведь тебе встретится — не бойся. Он не враг. Он хранитель.

Я улыбнулась и отвернулась к окну. За стеклом проплывали сопки, заснеженные леса, редкие огни посёлков. Полярная ночь всё так же висела над миром, но теперь она не давила. Я знала: где-то там, в темноте, бродит Белый Медведь. Мой друг из прошлой жизни. Мой проводник.

В Мурманск мы приехали под утро — хотя какое там утро, если за окном всё та же ночь. Я попрощалась с дядей Колей, поблагодарила его и пообещала, что если ещё соберусь на север — обязательно позвоню. Он дал мне свою визитку — старую, потрёпанную — и уехал, пожелав удачи. Я забрала вещи из гостиницы «Пять углов», вызвала такси до аэропорта. Лим всю дорогу молчал, но я чувствовала: он рад возвращаться. Он тоже скучал по дому.

Самолёт вылетел в Москву, а оттуда — домой. И когда я наконец вышла из поезда на своей станции, вдохнула влажный болотный воздух и увидела знакомые огни десятиэтажки, то почувствовала, как внутри что-то отпускает. Я вернулась.

Кузя ждал меня на пороге. Он, конечно, почуял меня загодя — домовый всегда чует свою хозяйку. Дверь распахнулась, и он вылетел на лестничную клетку, вцепился в мои ноги, зарыдал, засмеялся, заворчал — всё одновременно.

— Марьянка! Живая! Целая! Не замёрзла! Я уж думал — всё, пропала ты в своей полярной ночи! А пирожки-то остыли! Три дня назад испёк — и остыли!

— Разогреем, — улыбнулась я, обнимая его.

Кочемар поднялся из трясины и долго смотрел на меня, а потом просипел:

— Вернулась. Хорошо. Чувствую — холод близко. Очень близко. Но теперь, когда ты здесь, — спокойнее.

Велес стоял у дуба. Он ничего не сказал, но его ветви чуть качнулись — приветствие.

Я вошла в квартиру, скинула сапоги, рухнула на диван. Лим растёкся по ковру. Кузя засуетился на кухне. Всё было как прежде. Но я знала: это ненадолго. Впереди был Буян. И русалка, что ждала меня. Она знала то, что мне нужно. И я должна была спешить. Потому что холод с севера становился ближе.

Но прежде чем идти дальше, мне нужно было отдохнуть. Я закрыла глаза, укрылась пледом, который заботливо подоткнул Кузя. Лим лежал у моих ног, и его мерцание было ровным, спокойным. Я слышала, как Кузя гремит чашками на кухне, как ворчит Кочемар в болоте. И постепенно звуки стали тише, мягче, словно мир заботливо укутывал меня в тишину.

Я провалилась в сон.

Но это был не обычный сон. Я поняла это сразу, как только почувствовала под ногами не старый диван, а гладкий, тёплый камень. Я стояла на вершине холма, и вокруг меня расстилась страна, которую я никогда не видела в этой жизни — но которую знала каждой клеточкой своего существа.

Гиперборея.

Небо надо мной было золотистым, и в нём сияли три луны — Леля, Фатта и Месяц. Их свет был мягким, переливчатым, и он заливал всё вокруг ровным, серебряным сиянием. Я подняла руку — и увидела свою ладонь. Не ту, что знала, с печатью Хранительницы, а другую — изящную, с длинными пальцами, с серебряным браслетом на запястье. Кожа была светлой, почти прозрачной, и от неё исходило слабое, тёплое свечение.

Я коснулась своих волос — они были длинными, светлыми, почти белыми, заплетёнными в сложные косы вокруг головы. На мне было длинное белое одеяние, расшитое серебряными нитями, которые складывались в узоры звёзд и планет. Одежда была лёгкой, почти невесомой — ткань струилась при каждом движении, словно живая. Я чувствовала себя невероятно лёгкой, сильной и спокойной. В этом теле не было ни усталости, ни боли — только гармония. Я знала, что молода, хотя не могла бы сказать, сколько мне лет. Возраст здесь не имел значения.

Я была жрицей. Хранительницей Первозари.

Вокруг меня, на склоне холма, стояли другие жрицы — такие же молодые, в таких же белых одеждах, с такими же светлыми волосами. Они смотрели на меня с почтением и теплом. Одна из них, совсем юная, с глазами цвета весенней листвы, подошла ко мне и поклонилась.

— Сегодня ты ведёшь церемонию, — сказала она. — Все готово. Алтарь ждёт.

Я кивнула и пошла вниз по склону. Мои босые ступни касались травы, и трава отвечала мне — каждая травинка распрямлялась после моего шага, словно приветствуя. Я чувствовала жизнь под ногами — каждое семечко, каждый росток, каждый корень. Я чувствовала связь со всем, что меня окружало. С землёй, с водой, с воздухом, с лунами в небе.

Мы шли через город — тот самый, что я видела в видениях Белого Медведя. Но теперь я не смотрела на него со стороны — я была внутри. Я чувствовала тепло камней под ногами, вдыхала аромат цветов, что росли повсюду, слышала смех детей, что играли у фонтана. Люди кланялись мне, когда я проходила мимо, и я улыбалась им в ответ. Я знала их всех. Я знала их имена, их жизни, их радости и печали. Я была не просто жрицей — я была частью этого мира, а он был частью меня.

Храм Первозари возвышался в центре города. Его колонны из белого камня уходили в небо, а купол был сложен из горного хрусталя, который ловил свет трёх лун и возвращал его земле мягким, переливчатым сиянием. Внутри, на алтаре из трёх камней — белого, чёрного и золотого, — парил свет. Первозаря. Живая, тёплая, пульсирующая. Она пела — и эта песня была слышна во всех уголках страны. Она успокаивала, исцеляла, наполняла.

Я подошла к алтарю и протянула руки. Свет скользнул ко мне, как доверчивый зверь, и замер в моих ладонях. Он был тёплым — не обжигающим, а именно тёплым, как руки любимого человека. Я чувствовала его пульс, его дыхание, его жизнь. Я начала петь — гимн, слова которого я забыла в этой жизни, но помнила в той. И остальные жрицы подхватили его. Их голоса сливались в единую мелодию, и эта мелодия поднималась к небу, к трём лунам, к самому Творцу.

В этот момент я была счастлива. Абсолютно, безгранично счастлива. Я была на своём месте. Я делала то, для чего была рождена. И рядом со мной был Он — Белый Медведь. Он стоял у входа в храм и смотрел на меня своими тёмными, всезнающими глазами. Он не был зверем — он был другом. Советником. Проводником. Он был рядом всегда, сколько я себя помнила. Он учил меня слышать звёзды, чувствовать токи сил, хранить равновесие.

А потом всё изменилось. Свет в моих ладонях дрогнул и начал гаснуть. Я почувствовала холод — не физический, а какой-то иной, проникающий в самую душу. Небо над храмом потемнело, и одна из лун вдруг вспыхнула и начала рассыпаться. Я закричала, но мой крик потонул в грохоте падающих осколков. Я пыталась удержать Первозарю, но пальцы уже коченели. Последнее, что я видела — Белый Медведь, что бросился ко мне, и его глаза, полные боли.

Я проснулась. За окном занимался рассвет. Лим лежал у моих ног и смотрел на меня. Кузя гремел чашками на кухне. Всё было как всегда. Но теперь я знала: это был не просто сон. Это была память. Моя память. И я должна была вернуть то, что потеряла. Первозарю. Свет, который горел в моих ладонях тысячи лет назад. Свет, который я поклялась зажечь снова.

Глава 10. Разговоры на Буяне

После сна о Гиперборее я несколько дней ходила сама не своя. Воспоминания о той жизни — яркие, отчётливые, как будто всё случилось вчера — не отпускали. Я помнила запах травы на склонах храма, тепло Первозари в ладонях, голоса жриц, что пели гимн трём лунам. И я помнила холод. Тот самый, что теперь пробуждался на севере.

Кузя заметил моё состояние и, конечно, не смог промолчать.

— Марьянка, ты уже третий день как в воду опущенная, — сказал он, ставя передо мной тарелку с пирожками. — В прямом смысле! Ты вообще ешь? Ты вообще спишь? Ты вообще помнишь, что у тебя домовой нервный и ему покой нужен?

— Помню, Кузя, — улыбнулась я, беря пирожок. — Просто мне нужно на Буян. Собрать всех. Рассказать то, что узнала.

— На Буян? — он оживился. — Это я за! Там Печур, там пироги можно испечь в настоящей печи, а не в этой электрической душегубке! И Горыныча проведать надо — у него, говорят, новая чешуя выросла, блестит как начищенный самовар. Ты иди Марьяна, а я пирожков напеку и следом. Заодно и Печуру муки прихвачу.

— Вот и отлично, — я поднялась. — Тогда пойду.

Я шагнула в портал, и золотисто-зелёный свет перенёс меня на Буян. Остров встретил теплом и светом — здесь не было полярной ночи, здесь всё ещё царило лето. Алатырь мерцал синими прожилками, Древо тянулось к небу. На поляне никого не было, но я знала: стоит мне появиться, как друзья соберутся. Так и вышло.

Первой меня почуяла Яга. Она вышла из леса — молодая, статная, в расшитом сарафане, с клюкой в руке. Её глаза, как всегда, блестели лукавством.

— Марьяна ! — воскликнула она. — Давно не заходила! Я уж думала, ты там, на севере, в медведя превратилась и ходишь теперь по тундре, пугаешь оленей.

— Почти, — улыбнулась я, обнимая её. — Но медведь там уже есть. Огромный. Белый. И он мне не враг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.